

Фото Юрия ТРУБИКО

«Правдору»
Игорь Иртенев:

Лет десять тому назад неиспорченное еще воображение автора «Здравствуйте» было поражено стихотворением про кошку. Кошка летела, кружась, в черном воздухе, «по ней стреляли из зениток подразделения ПВО, но на лице ее угрюмом не отразилось ничего».

Последняя деталь особенно задевала: ну, ладно бы, «лицо ее» выражало бы хоть некоторое презрение к зениткам (какая-никакая, но реакция), так нет — кошка слишком полна своей личной угрюмостью и кружением в небе.

Почти такое выражение лица бывает у Игоря Иртенева в момент чтения стихов. Он не станет подыгрывать веселым зрителям: уроненный в унитаз карий глаз, шевелящийся на дне ресницами, — это не столько повод для хохота, сколько объект для всматривания.

Бытовое сюрреализм: идешь с авоськой по улице, а тем временем АЭС взрываются недалеко, ракеты стреляют по кооператорам и патологоанатом вытирает скальпель о штаны. Недавно изданный сборник стихов Иртенева «Ряд допущений» (издательство «Независимая газета») дает возможность повнимательнее изучить вертикальный срез повседневного постсоветского абсурда: лежишь вот «на животе, с папиросой во рту», а тут и кошка подлетает, словно птица. Или — депутаты в телевизоре вдруг начинают о железном Феликсе тосковать. Правда, последний случай не столько для книжки, сколько для рубрики Иртенева «Правдору» в программе Виктора Шендеровича «Итого».

I «Бывают в этой жизни миги,
Когда накатит благодать,
И тут берутся в руки книги
И начинаются читать»

- Игорь, у вашего сборника странная аннота-

ция: «под пером Игоря Иртенева жизнь превращается в праздник». Что-то у меня нет ощущения праздника после стихов типа «Привяжи меня, тятя, к кровати»...

- По-моему, аннотация — наиболее уязвимое место в книжке. Да, недоглядел. Увидел уже тогда, когда открыл сборник. Я-то думаю, что у читателя этих стихов ощущения праздника быть не должно.

- Вообще-то вы производите впечатление довольно мрачного человека.

- На самом деле есть некая маска, с которой выступаешь на сцене. В жизни я не такой уж мрачный, часто дурачусь, но для этого нужна соответствующая компания и соответствующее место. А вот когда от меня усиленно ждут шутки, я зверею.

- В вашем сборнике «Ряд допущений» — старые стихи, новых очень мало. Не писалось в последнее время?

- Я действительно пишу сейчас мало. Вернее, может, в последнее время я как раз много пишу, но это специфическая работа для программы «Итого». Не спровоцированных политическими обстоятельствами текстов стало меньше.

- Как сочиняются тексты для «Правдору» в «Итого»? Вам дается заказ на конкретное событие?

- Да, но все не так жестко. Тему мы обсуждаем все вместе — садимся во вторник — среду. Как правило, я иду в первом блоке, и мне приходится какие-то более значимые события комментировать. Иной раз может вполне симпатичная тема возникнуть на периферии, но меня просят написать про главное

событие. Это журналистская работа, я к ней так и отношусь. Тем не менее я не могу сказать, что это — поденщина, есть тут и творческие приманки.

II «Стихи мои,
простые с виду,
Просты на первый
только взгляд,
И не любому индивиду
Они о многом
говорят»

- Один из первых сборников с вашими стихами назывался «Граждане ночи». Сейчас все поэты, чьи стихи там были напечатаны, вышли в день, никого уже не назовешь андеграундом. Что-то изменилось?

- Я себя на самом деле не отношу к гражданам

Книги еще не выходили, стихи воспринимали на слух. В итоге вас меньше читают, чем видят в ящике. Это дергает?

- Я совсем не претендую на звание всенародного поэта, Боже упаси. Да, в ящике я мелькаю довольно давно, первые выступления были еще в программе «Взгляд». Наверное, это сыграло роль, когда книжка вышла, но все же я думаю, что количество глазных читателей у меня приличное. Сам я ориентируюсь на тех, кто читает книжку: они могут вернуться, перечитать, найти какую-то зашифрованную цитату. А со сцены нельзя людей за их же деньги напрягать. Если я выступаю в каком-то

- Был опыт политической рекламы во время избирательной кампании.

- Скоро начнется новая избирательная кампания. Вы готовы опять работать на политиков?

- Более того, тут определенные шаги уже были сделаны.

- Кто ваш заказчик?

- Я могу сказать, что это движение, за которое я голосовал на выборах. С ними мне не стыдно связываться.

- В последнее время снова стали обсуждать еврейский вопрос. Вам не хотелось бы тоже вступить в активный спор с антисемитами?

- Боюсь, что мы вряд ли убедим в чем-то друг друга. Действительно, сейчас может создаться ощущение

IV «Уход отдельного поэта
Не создает
в пространстве
брешь»

- Существует убеждение, что «поэт в России больше, чем поэт». Когда вы писали, что «уход отдельного поэта не создает в пространстве брешь», вы спорили именно с этой точкой зрения?

- Трудно сказать. Я не думал, что вот сейчас я буду бодаться с Евгением Александровичем Евтушенко. Просто за афоризмом всегда стоит схема. Ну написал Евтушенко эту строчку, но, будучи тысячекратно повторенной, она превратилась в штамп. А дальше начинается игра — одним из признаков современной литературы является широкое оперирование цитатами. И готовый блок «поэт в России больше, чем поэт» можно вставлять в текст, можно с ним переключаться, иронически переосмысливать.

- Лет пятнадцать назад все ахали от того, как влетают цитаты в тексты Кирилова, в ваши тексты. Но возник момент, когда этим стали заниматься все. Вам не кажется, что цитатность — тоже общее место?

- Конечно, это же живое дело. Основной поэтический поток чувствует, что он куда-то натывается. Дальше он может перескочить, разлиться вширь, какую-то лазейку найти, что не регулируется ни критикой, ни спросом читателей. Но, с другой стороны, цитатность — очень продуктивная штука. Посмотрите: одно из пленительнейших классических произведений — «Евгений Онегин» — сплошь из цитат! Это в чистом виде постмодернизм, литературная игра — Пушкин все время аукался со своими современниками, с друзьями. Легкость поэзии не противопоказана.

- Ваши стихи — также игра, что предполагает наличие партнера. С кем вы играете, «аукаетесь»? - Не все игра на самом деле. Есть и вполне искренние вещи. А «аукаюсь»... Не знаю, с кем. Наверное, с тем, кто способен откликнуться.

Валентина ЛЬВОВА.

Когда от меня усиленно ждут шутки, я зверею

Комм. правда. — 1999 — 15 янв. — с. 12

ночи — я человек дня, даже биологически. Ну да, многие из нас тогда не печатались, сейчас печатаются. Кардинально от этого ничего не изменилось.

- Когда вы стали печататься, критики были в недоумении — Иртенев не знает, что такое поэзия, но он подозрительно часто шутил. Возникло сочетание «иронический поэт». Насколько вы его принимаете?

- Возможно, так легче читателю — он знает заранее, что я иронический, и настраивается на определенный лад. Хотя тут есть оттенок ущербности: мол, несколько недопоэт. На мой-то взгляд, в моих стихах действительно есть ирония, но сама ирония — очень широкий расклад самых разных человеческих чувств. Откровенное комикование мне как-то не очень свойственно.

- А если бы вас назвали юмористом или сатириком, это бы задело?

- Наверное, задело бы. Хотя к юмору у меня отношение чрезвычайно почтительное — в отличие от сатиры. Сатира имеет значение прикладное, социальное. А юмор вещь подсознательная: божественная вспышка, которая рождается из страха смерти. Это то, чем человек отодвигается от бездны. Черный юмор — вообще высокая вещь.

III «Во дни державных потрясений,
В процессов
гибельный разгар
На что употребить
свой гений?
Куда примкнуть
мятежный дар?»

- Вы стали известны благодаря телевидению.

концерте после Яны Арлазорова и перед Кларой Новиковой, то в свои десять минут читаю тексты, которые способны вызвать быстрый смеховой эффект.

- Вы достаточно мобильны: пишете для Шендеровича на злобу дня, сочиняете рекламные лозунги для молочной фирмы...

- Да, и очень этим горжусь.

- А как это случилось?

- Просто Андрей Бильжо участвовал в рекламной кампании молока и предложил образ Ивана Поддубного, с рассказчиками, со стихами. По-моему, тут было попадание абсолютное — «если это пил Иван, значит, надо пить и вам». Очень симпатичны мне эти две строчки. Ничего тут постыдного я не вижу, Маяковский в свое время тоже занимался рекламой.

- Помогали рекламировать что-нибудь, помимо молока?

некоторой истеричности прессы, взвинченности по этому поводу. Хотя лишней раз их мокнуть не мешает, а то они как выезжают за границу, тут же начинают косить под социал-демократов, то есть хотя и свой электорат тут сохранить, и «зеленый» из-за бугра загрести. Такое вот новое мышление от Зюганова.

- Ваши строчки: «словесности русской служить, призыванье, конечно, святое, но хочется бабки вложить порою во что-то крутое». Ну и как, вкладывали?

- У меня никогда не было денег, которые можно крутить. А когда — ну это давно было — я накопил тысяч пять «зеленых», жена меня толкала, чтобы накопить-то я их отнес в «Чару». И за день до того, как она меня уговорила, «Чара» накрылась. Так что только в тумбочке деньги надо держать.